A stone relief sculpture of a hand holding a scroll. The hand is positioned at the top, with fingers gripping the edge of a rectangular scroll. The scroll is decorated with a prominent knot or decorative element in the center. The background shows the texture of the stone and other parts of the relief.

БИБЛИЯ
И
ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Александр Мень

Библия и литература

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

2009

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Библия и литература / А. Мень — «Гуманитарно-
благотворительный фонд имени Александра Менья», 2009

ISBN 978-5-903612-26-0

В мировую литературу всегда вовлечены самые важные волнующие людей темы. И она неоднократно обращалась к Священному Писанию. Охватить — великую тайну — двойственную богочеловеческую природу Священного Писания, отделить преходящую литературно-историческую плоть Библии от вечного его содержания — было под силу далеко не всем писателям и поэтам. Книга включает в себя лекции, прочитанные прот. Александром Менем в 1989–1990 г. Текст подготовлен по магнитофонным записям

УДК 2

ББК 86

ISBN 978-5-903612-26-0

© Мень А., 2009

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 2009

Содержание

Библия и апокрифы древности и средневековья	7
Библия и древнерусская литература	16
Библия и литература XVII века	30
Библия и русская литература XVIII века	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Протоиерей Александр Мень Библия и литература. Лекции

Памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию в Дмитрове

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Библия и апокрифы древности и средневековья

В мировую литературу всегда оказываются вовлечены самые важные, наиболее волнующие людей темы, сюжеты и образы. Поэтому неудивительно, что искусство и литература многократно обращались к Священному Писанию. И мы с вами сделаем лишь очень беглый обзор этого замечательно интересного и во многом поучительного процесса: как преломлялась Библия в творчестве поэтов, писателей, романистов, неизвестных и великих, знаменитых.

Самые ранние попытки художественно интерпретировать Библию, как бы дополнить ее беллетристическим образом, мы называем апокрифами. Слово *апокриф* имеет двойное значение. С одной стороны, это слово означает книгу «спрятанную», «потаенную». Почему возникло такое название для этих произведений? Потому что они очень рано стали восприниматься как неортодоксальные, гонимые, неудобные тем или иным церковным направлением; поэтому их уничтожали, а те, кому они нравились, их прятали, и получалась «потаенная» литература. Но есть и другая причина этому названию. Значительная часть апокрифов была создана людьми, которые предполагали, что в Библии, которую мы читаем, запечатлено лишь общенародное, так сказать, экзотерическое учение, а эзотерическое – тайное, глубинное учение – спрятано в особых откровениях, запечатленных вот в этих книгах, которые они называли *апокрифами*. В Древней Руси апокрифы назывались «отреченными книгами».

Поразительна живучесть этой литературы. Трудно даже поверить, что апокрифы, созданные за десятилетия и даже столетия до нашей эры на древнееврейском, арамейском и греческом языках, были потом переведены на армянский, грузинский, эфиопский, жили – имели долгую жизнь – в Древней Руси, через тысячелетие! Эта литература продолжала свое существование в самых разных культурах и цивилизациях.

Апокрифы стали появляться и в более позднее время. Мы знаем апокрифы XIX, XX вв.: «подложные» книги, те, которые выдавали себя за древние писания, которые их сознательно имитировали. Чтобы не заблудиться в этом море литературы, разделим все это на ясные, четкие рубрики.

Дохристианские ветхозаветные апокрифы – это книги, которые создавались преимущественно анонимными, неизвестными для нас авторами. Первые древние ветхозаветные апокрифы появляются около 190–170 г. до Р. Х. Многие апокрифы погибли, многие сохранились до нашего времени только во фрагментах, некоторые уцелели лишь в более поздних переводах, но все-таки это довольно богатая литература.

Что же представляют собой ветхозаветные апокрифы? Это книги, которые пытаются дополнить библейское сказание, развернуть то, что как бы сокрыто и спрятано в Библии. Тут работает и человеческое воображение, и глубокая любознательность, и какие-то новые доктрины, которые пытались себя как бы присоединить к потоку библейского учения. Достаточно бросить взгляд на некоторые из этих апокрифов. Перечислять их все я не буду. Важнейшие из них – апокрифы Еноха (это цикл апокрифических книг), «Книга юбилеев», «Завещание двенадцати патриархов», «Псалмы Соломона», «Кумранские псалмы». Множество апокрифов было найдено на берегах Мертвого моря в пещерах Кумрана и других поселениях древних аскетов ессейского типа.

Что такое апокрифы Еноха? Древний библейский писатель, который создал, так сказать, «построил» Книгу Бытия, хотел показать людям связь между поколениями и народами с помощью традиционного метода генеалогии (родословия). Этот писатель взял одну из древнейших генеалогий, которая имелась в Месопотамии, и построил на ней связь поколений допотопного мира. Среди этих предков седьмым именуется Енох. О нем сказаны загадочные слова – что Бог «взял его от земли». В поисках ответа на эту загадку толкователи обратились к древним легендам Месопотамии, и выяснилось, что там один из царей, так же седьмой царь древней

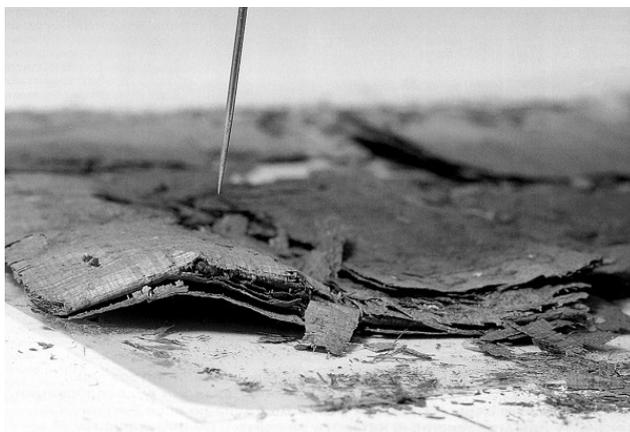
генеалогии, был вознесен в чертог бога Солнца и ему было показано строение Вселенной. Вот этот древний образ путешественника в космос и отразился в образе библейского Еноха. Но ветхозаветный автор не вдаётся в эти подробности, он как бы походя упоминает, что такой-то человек имел удивительную судьбу. Все! Это деталь, она лишь проскакивает в повествовании. Иное дело – автор апокрифа.

Апокрифов Еноха имеется несколько. Наиболее древний называется «эфиопским», потому что сохранился в эфиопском переводе. Но он также имеется и в армянском, греческом и других переводах. Есть краткий славянский апокриф Еноха, который сохранился в древнерусской версии.

Мы обратимся к этой славянской версии. О чем она говорит? Она говорит именно о том, о чем повествует древняя вавилонская легенда: праведный Енох поднимается Богом куда-то на седьмое небо (весь мир построен как бы в виде ступеней или концентрических кругов; заметим, что это напоминает нам вавилонские башни с их семью ярусами). И там он видит структуру Вселенной. То есть то, что Библия не хотела давать людям, в апокрифе дается.

Библия не хочет давать человеку познание научное, рациональное, потому что для этого познания человеку достаточно иметь разум и опыт. Для этого не нужно Откровение, для этого не нужно Священное Писание.

Для этого нужны естествознание и другие отрасли науки. А автор «Книги Еноха» хочет (это одна из ранних попыток) превратить это восхождение древнего человека на небо в некоторого рода небесную космическую географию. Там излагается устройство семи небесных сфер. Енох созерцает и ангелов, и звезды, видит, где праведники, где грешники. Таким образом, енохическая литература является предтечей Данте и других средневековых сказаний о загробном мире.

Разделение папирусных страниц

Но я уже подчеркнул, что эта любознательность идет вразрез со Священным Писанием. И поэтому не случайно и не удивительно, что книга, которая выдавалась за произведение древнего Еноха (а кто тогда мог отличить древнее от нового – и сейчас-то историки не всегда могут разобраться, а тогда люди обладали значительно меньшим критическим чутьем), была отвергнута. Не потому, что она показалась анахронической или исторически сомнительной, а потому, что она входила в те области, которые Священное Писание обходило. Это была устаревшая космология, устаревшая космография, которая представляет для нас теперь только некий ретроспективный интерес.

К тому времени канон Священного Писания был сформирован уже почти полностью. Первые пять книг Библии – Тора, или Закон, или, по-славянски, Пятикнижие, – уже были твердо зафиксированы. Книги пророков, в том виде, как они существуют, тоже были канони-

зированы. Но третья часть – Агиографы, или Писания Мудрецов, куда входит и Псалтирь, и другие книги (мы их в церковнославянской традиции называем «Учительными книгами»), – этот сборник еще формировался, и апокрифы претендовали туда войти. Но они не были туда допущены, и это вовсе не придирка слишком шепетильных книжников, а некое таинственное чутье, которое точно определило, чему не надлежит быть в Священном Писании.

А вот еще одна тема из Книги Еноха, но уже другой, так называемой «эфиопской» (напомню, что книга была написана на арамейском или еврейском, но мы имеем ее в эфиопском переводе). Это тоже примерно II–I вв. до Р. Х. Там дается беллетристическое толкование одного странного места из Книги Бытия, о котором я уже рассказывал. В 6-й главе Книги Бытия, когда говорится о катастрофе человечества, о его нравственном падении, сказано, что ангелы, сыны Божии, полюбили дочерей человеческих. И от брачного союза между ними родились гиганты, исполины. Эти исполины создали цивилизацию, которая оказалась настолько гнусной, что в конце концов потоп ее разрушил. Кратко сказано, всего несколько строк. И уже тогда людей волновало, что же это за таинственные сыны Божии, которые пришли к дочерям человеческим? (Когда мы с вами будем говорить о литературе XIX в. и Библии, мы коснемся мистерии Джорджа Байрона «Небо и Земля», где драматически интерпретируется этот рассказ в свете и Библии, и, главным образом, Книги Еноха.)

Книга Еноха пытается дать свой ответ на извечный вопрос о начале зла, о его первопричине: кто первый захотел стать спиной к Богу? Ведь зло – это не какой-то предмет, какое-то начало, какая-то стихия; зло – это когда существо, имеющее волю, поворачивается от жизни к смерти, от бытия к небытию, от добра к противлению. Где начало? Библия говорит об этом всегда очень коротко, очень скупно... И, наверное, это не случайно. А вот автор Книги Еноха (эфиопской) рассказывает нам целую эпическую историю о том, как ангелы, небесные существа, стали спускаться на землю, учить людей магии, учить их выплавлять железо, открывать естественнонаучные секреты. Они полюбили женщин, вошли в контакт с людьми. Что-то подобное Прометею есть в этих сынах Божиих, которые как бы похитили с неба огонь, принесли на землю, чтобы облагодетельствовать людей, но вместо этого научили их злу – потому что сама их воля была направлена на нарушение божественной заповеди. Начало магии и есть источник зла, грехопадения человечества. Так рассказывает нам Книга Еноха.

В апокрифических книгах Ветхого Завета колоссальное напряжение эсхатологии, колоссальное ожидание конца света! Это было время, когда мир, подобно сегодняшним дням, ждал мировой катастрофы, думал, что история заканчивает свои круги, что течение истории кончилось. И возникают целые поэмы: «Вознесение Моисея», «Апокалипсис Варуха», «Книга Адама и Евы», – все они говорят о том, что человек оказался совершенно непригодным творением Божиим и скоро все закончится, разрушится и восторжествует только правда Божия.

В этой апокалиптической поэзии есть много волнующего, много подлинного предчувствия того, что скоро наступит новая эра. И ведь, действительно, приближалось явление Христа! Но они представляли себе это в виде каких-то грозных катаклизмов. И вся эта апокалиптическая литература волновала народ, вызывая в нем ожидание страшных дней конца.

Но произошло совсем иное: явился Господь, не потрясая небо и землю, а пришел, как предсказывали пророки, «не имея ни вида, ни величия», не действуя насилием, не привлекая ложными или просто эффектными чудесами. Наступает эпоха Радостной Вести – Благой Вести евангельской.

Подобно библейским книгам, новозаветные книги написаны с такой же лаконичностью, с таким же целомудрием, такой же осторожностью. И мы не найдем в описаниях смерти Христа возгласов народного поэта, который бы сказал: «О Ты, умирающий на древе...». То, что мы находим в народной поэзии, в древнем эпосе, – ничего этого нет. Сухо, строго, почти протокольно описывается распятие, смерть Христа. Никаких украшений, никаких преувеличений, никаких попыток проникнуть за завесу непостижимой тайны.

Войдя сегодня в любой храм, вы увидите за престолом в алтаре икону Воскресения. Эти иконы появились с ренессансного времени, когда художники стали изображать воскресшего Христа. А ведь в древности Его не изображали. Потому что это была тайна! И она остается тайной. Ни один из евангелистов не изобразил Христа воскресшего. Это очень важно. Древнерусские иконописцы всегда дают нам символическую картину сошествия во ад, но не воскресение, не выход Христа из могилы – так, как мы находим это в западном искусстве, а потом в русском искусстве нового времени: разверзся гроб, Христос выходит из гробницы. Это натуралистическое изображение далеко отстоит от бережности евангельского отношения к тайне.

Но не такими были апокрифы. Апокрифы, повторяю, создавались любознательностью, воображением, творчеством людей.

Нередко в антирелигиозной литературе, и вообще в исторической литературе, можно найти следующие замечания: что Церковь сурово расправлялась с раннехристианскими Евангелиями, апокрифами, уничтожая их и отбирая только те, которые соответствовали ее взглядам. В какой-то степени это верно. Да, отбирали. И отбирали то, что соответствовало. Но давайте посмотрим, что же получилось в результате этого отбора.

Вот перед нами апокрифические Евангелия. Они все-таки сохранились. Более того, они бесконечное количество раз переводились почти на все древние языки, на все языки, на которых говорили в Средние века. Весь цивилизованный мир Старого света читал эти апокрифы на своих языках! В библиотеке Соловецкого монастыря ученые еще в прошлом веке нашли огромное собрание этих апокрифов, и оказалось, что кроме ветхозаветных апокрифов, о которых я уже говорил, там масса новозаветных, написанных в первые века христианства. Тех самых, которые назывались «отреченными», которые считались неканоническими, считались псевдописаниями. Однако их любили и сохраняли. Потому что это была литература, древняя художественная литература.

Самое раннее из них – Евангелие Иакова. Его иногда называют протоевангелием, потому что ученый, обнаруживший эту книгу, считал, что это Евангелие самое древнее. Евангелие Иакова написано в Египте, по-видимому, в начале или середине II в. Во всяком случае, существует египетская рукопись этого Евангелия, которая относится к 200 г., а может быть, и ранее.

О чем повествует эта книга? О том, о чем молчат евангелисты: о юности Девы Марии, о Ее родителях – Иоакиме и Анне (Евангелия ведь не называют имен Ее родителей). Рассказывает о том, что Иоаким и Анна были бездетными, а это считалось тогда знаком Божьего гнева. И вот однажды Иоаким пошел в храм приносить жертву вместе со всеми, а его оттолкнули и сказали: «Ты последний грешник, у тебя и детей нет». И он настолько огорчился этим, что не вернулся домой, а пошел в пустыню, сидел и плакал там. И тогда ему явился ангел и сказал: «Не плачь, потому что у тебя родится дивная Дочь». Слух об этом событии в храме дошел до Анны, она была дома. Убитая горем, она вышла в сад, и тут (а была весна), как назло, перед ней дерево, а на дереве гнездо, а в гнезде – птенцы, и птицы их кормят. И она сказала: «Господи! Даже птица имеет своих детей, а я – бездетна!» И вот, когда она плакала, явился ангел и сказал: «Анна, не плачь! Ваша молитва услышана, терпение ваше вознаграждено: у вас родится Дочь, вы назовете Ее Марией. Она будет самой великой и прекрасной из всех! Вы должны посвятить Ее Богу».

И рождается у них девочка. Называют Ее Марией. И отдают Ее в храм. (Согласно апокрифу, при храме тогда существовало что-то вроде монастырей для девочек. Ничего этого не было в истории, это беллетристика, но беллетристика, которая пыталась увидеть за Евангелием то, о чем там не сказано.) При чем, когда родители подвели Ее к ступеням, ведущим к зданию храма (Она была трехлетним ребенком), оттуда вышел священник Захария. И девочка, вместо того чтобы побежать от чужого человека, поднялась по ступенькам к нему навстречу. Он Ее взял и, по велению Божию, повел внутрь святилища, куда никто, кроме священнослужителя, никогда не входил. А потом ввел Ее в Свята Святых, где обитал невидимо Дух Божий, где некогда стоял Ковчег Завета, – за завесу. Конечно, простой священник не мог туда войти: пер-

восвященник входил туда только раз в год; и, конечно, он не мог туда никого ввести. Но для нас это неважно. А важен смысл легенды. Потому что Дева Мария является как новый Божественный храм! И Она уже Сама становится Святая Святых! Она входит туда, потому что Она имеет право, ибо Она – будущая Мать Избавителя.

А потом Ее оставляют при храме, где Она расширяет драгоценные завесы. И однажды Ей является ангел, и совершается тайна Благовещения: ангел возвещает Ей, что у Нее должен родиться Сын по имени Иисус, Который принесет спасение миру. Но Она должна выйти за кого-то замуж, чтобы не быть в глазах людей униженной. Кто-то должен стать нарицаемым отцом Ее будущего

Ребенка. И вот священник собирает народ, и люди решают, кто же это будет. И, по древнему обычаю, как бы мечут жребий – ставят посохи. И, как в сказании о Моисее и Аароне, посох плотника Иосифа, старца из Назарета, расцвел. Из сухого дерева появились живые побеги. Он-то и стал мужем Марии, хотя у него были взрослые дети, и среди них – Иаков, от лица которого ведется это повествование.

Эта история наконец насытила и любопытство, и воображение, и желание заглянуть туда, в эту тайну, в которую евангелисты нас не пустили. Здесь работало воображение людей. Это литература, которая потом отразилась на другой огромной литературе – на нашей древней церковной православной поэзии и потом на всей христианской поэзии Средних веков. И, наконец, на искусстве. Потому что те из вас, кто помнит произведения Дионисия, Джотто и многих других мастеров, знают, что они шли по той канве, которую им подсказало апокрифическое Евангелие Иакова. Более того, наш праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы построен на этом апокрифе. Пусть он и не принят Церковью в число Писаний как произведение богодухновенное и достойное доверия, но это была не осужденная книга, а книга, являющаяся частью христианской литературы, частью христианской культуры в широком смысле слова: включая богослужение, поэзию, живопись, пластику (есть немало средневековых скульптур на эту тему).

От Евангелия Иакова перейдем к другому Евангелию, которое называется Евангелие Фомы Израильянина или Евангелие Фомы – израильского философа. Оно тоже было написано в Египте около II в. после Р. Х. И тоже стремилось заглянуть туда, куда евангелисты нас не особенно пускали, – в детство Иисусово, угадать, увидеть, каким Он был. Как сказал один философ, каждый человек есть дитя своего детства. Один писатель сказал, что все мы в конце концов возвращаемся к своему детству. То, что в нас закодировано изначально, в детстве, то, в общем, с нами всегда и будет. И поэтому так интересно, так важно было узнать: каково же было детство Самого Христа? Так манила эта загадка, эта тайна! Каким Он был?

Но, увы, писатель, создавший книгу Евангелие Фомы-философа, обладал, по-видимому, воображением не возвышенным. Перед нами появляется отрок очень жестокий, превозносящийся перед своими сверстниками. На каждом шагу он творит чудеса, иногда совершенно нелепые. Например, в субботний день, который считался днем покоя, отрок Иисус лепит на берегу ручья из глины птичек. И когда ему старшие говорят, что это безобразие, что он нарушает закон, Иисус хлопает в ладоши и эти глиняные птички улетают. Неоднократно он очень сурово наказывает своих обидчиков или тех, кто, как ему показалось, его обидел: один засох, у другого засохла рука, третий упал мертвым на месте. Все в Назарете были терроризированы этим отроком. Автору этого, надо сказать, весьма популярного, к сожалению, произведения не приходило в голову: почему же жители Назарета были так потрясены, когда Господь Иисус вышел на проповедь! Почему они сочли Его безумным и хотели скрутить Ему руки и увести Его? Почему они не хотели верить Ему, если Он с детства поражал всех Своими чудесами? Очевидно, автор книги над этим не задумывался. Ему хотелось видеть, что Христос всегда умел за Себя постоять и, когда Его обижали сверстники, Он мог им так ответить, что от них пыль оставалась. Все это говорит не о Христе, не о Евангелии, а о характере этого писателя

– как каждое произведение, естественно, связано с душевным миром его автора. Но, по-видимому, такого типа душевный мир – не редкость, иначе эта книга осталась бы незамеченной или, по крайней мере, не дожила бы до нашего времени. А ее переписывали, переводили, распространяли по всему миру в те догуттенберговские времена, так что она дошла и до Кавказа, и до Руси, и до нашего времени. Более того, с нее писалась масса всевозможных подражаний. Было много Евангелий детства, но все они доверчиво повторяли сказки этого первого Евангелия Фомы.

Подчеркну, что под таким же названием – Евангелие Фомы – была другая книга, в которой содержались древние изречения Христа. Это произведение совсем иного типа. Появляются и другие книги, в которых мы находим сборники изречений Христа. Но это не совсем беллетристика. Это уже серьезные притязания дополнить Евангелия. И дополнить не воображением, не художественными, в кавычках, подробностями, а какими-то серьезными, этическими, доктринальными моментами. Так появляются Евангелие Фомы, Евангелие Филиппа, Евангелие истины и множество других Евангелий.

Вероятно, некоторые из вас хотят спросить, существует ли все это в русском переводе. Существует. Эта литература изучалась не только за рубежом, в России тоже были специалисты по апокрифам. Ветхозаветные апокрифы изучал протоиерей Александр Васильевич Смирнов из Казани; новозаветные апокрифы выходили в переводах человека, укравшегося под псевдонимом или эмблемой «Вега» (это примерно период Первой мировой войны); известный специалист по древнерусской литературе Иван Яковлевич Порфирьев собирал и издавал древние апокрифы, которые находил в библиотеках монастырей. В настоящее время апокрифы переводит Сергей Сергеевич Аверинцев, наш известный замечательный историк культуры; новозаветные апокрифы готовит к изданию Ирина Сергеевна Свенцицкая, доктор исторических наук. Пока отдельные тексты напечатаны в журнале «Наука и религия», который в значительной степени изменил свой прежний заливчатский и разоблачительный характер и стал печатать более объективную информацию о культуре

и религиозной жизни. Там уже напечатано несколько апокрифов. К тому же Свенцицкая написала книгу «Тайные писания древних христиан», где есть очерк о новозаветных апокрифах. Эта книга вошла в ее труд «Раннее христианство», который вышел в 1987 г. Так что любой из вас, кто пожелает, может ознакомиться с основными апокрифами в русском переводе.

Титульная страница Евангелия от Иуды

Должен подчеркнуть, что, когда ученые стали сравнивать изречения Христа в Евангелии с теми, что находятся в этих сборниках изречений (их называют «Логии», что значит «Слова»), то оказалось, что в них нет ничего качественно нового: в большинстве случаев это явно вторичная литература, перепевы того, что уже есть в Евангелиях. Встречаются только отдельные

яркие изречения. Например, Христос в одном из таких Евангелий говорит: «Мир – это мост», то есть через него надо пройти. Или Он говорит: «Кто близ Меня – близ огня, но кто далек от Меня, – далек и от Царства». Слова хорошие. В истории с богатым юношей (я надеюсь, она знакома вам всем) апокриф дополняет евангельский текст. Когда богатый юноша говорит: «я соблюдал все правила закона», Иисус ему отвечает: «ты в своем дворце живешь, а бедные люди, дети Авраама, живут в нищете, и ты считаешь, что соблюдаешь все заповеди? Иди, раздай все нищим и следуй за Мной как праведник». Это поворот, действительно, может быть, взятый из древнего устного предания. Эти Евангелия изречений важны именно потому, что в них мы можем найти отголоски древних преданий (эти тексты все-таки очень древние).

Известный русский писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский, автор нашумевшей трилогии «Христос и Антихрист», знаменитой работы «Лев Толстой и Достоевский», человек, сочинения которого перед революцией насчитывали уже свыше двадцати томов, к сожалению, на долгое время спрятанный от нашего читателя (а сейчас, я надеюсь, он снова вернется в нашу литературу), в начале 30-х гг. написал большую книгу о жизни Христа «Иисус Неизвестный». Он тщательнейшим образом (а это был человек огромной культуры и знаний) исследовал эти изречения Христа из апокрифических Евангелий и пытался сделать что-то неведомое. «Иисус Неизвестный» – это как бы новое лицо Христа через апокрифы. (Надеюсь, мы с вами еще доживем до того времени, когда многие из вас смогут прочесть эту книгу. Она издана в Белграде в 1932 г. очень небольшим тиражом и больше не переиздавалась.)

Попытка не удалась. Не удалась она потому, что наши четыре канонических Евангелия бесконечно, я бы сказал, абсолютно превосходят всю апокрифическую литературу вместе взятую. Какой литературный вкус, какое критическое чутье, какие научные данные могли руководить церковным сознанием того времени? Ничего этого не было! А было действие Духа, который безошибочно подсказал им, что является бессмертным.

Один из крупнейших ученых, который исследовал апокрифы, писал с удивлением: непонятно, как такие литературные плевелы могли расти почти одновременно с нашими Евангелиями! Уникальность новозаветной литературы – подлинной, канонической, – уникальность Евангелий еще яснее предстает перед нами, когда мы сравниваем их с этой околоевангельской, парабиблейской литературой тех времен.

Конечно, многое создавалось не просто от графоманского зуда или от желания беллетризировать ситуацию, как-то представить ее более конкретно. Были и глубокие идейные мотивы. В то время, в конце I – начале II вв., в христианстве и вокруг христианства появились многочисленные гностические теософские учения. Их обобщала, соединяла, при всей их разнообразности, одна идея: что материя, плоть, природа, мир – это все от дьявола. От Бога только Дух. И вот гностики (они называли себя гностиками, «знающими») и начали перекраивать и переписывать Евангелия заново, на свой лад. В древнейших апокрифических Евангелиях Страстей мы читаем, что Христос страдал на кресте, но это только казалось – потому что Он не страдал. У Него не было плоти, это только казалось! И вообще, говорил один из гностиков II в., Маркион, Он не рождался, как рождаются все дети: Он просто сошел с неба в город Капернаум в 15-й год правления Тиберия. И чтобы это доказать, Маркион просто отрезал первые две главы Евангелия от Луки и начал с третьей, с таких слов: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря вышел Иисус...» Значит, не надо плоти, не надо жизни, не надо истории, не надо предыстории, не надо Ветхого Завета, а только проповедь Духа – Духа, Который себя потерял, блуждая в материи, и надо вернуть его обратно. И вот этот гностический Христос с призрачной плотью, с призрачным страданием, который пришел в мир только для того чтобы открыть людям, что в этом мире вообще не стоит жить, а лучше как можно скорее его покинуть через духовное созерцание, – Онто и является главным героем большинства апокрифических Евангелий.

Некоторые из них звучат красиво. Некоторые очень напоминают наши канонические Евангелия. Но апокрифы – не соперники им, потому что гностические Евангелия все главное берут из наших канонических, но легким поворотом пера (талантливым, я скажу, поворотом) настраивают эти изречения на другую волну. Вместо Богочеловеческого Святого явления в этом обычном мире – призыв к бегству, призыв к развоплощению! Христианство, Евангелие, утверждающее инкарнацию, воплощение божественного в природе, здесь подменяется развоплощением, уходом. И тот факт, что эта тенденция продолжала играть огромную роль в истории литературы, в истории Церкви, в истории европейской цивилизации, объясняет нам, почему эта литература не только сохранилась, а была столь популярна. Ибо, когда гностики исчезли как организованные группировки, им на смену пришли организации другого типа – альбигойцы в Европе, манихеи в Персии, павликиане в Болгарии, волхвы в Древней Руси. Не думайте, что волхвы – это просто древние маги и дикие язычники. Нет, они были дуалистами, они усвоили манихейское учение, взятое из Болгарии (там оно называлось богомилством). Ведь вы знаете, что христианство на Руси очень многое заимствовало из Болгарии – не только из Греции, но и из Болгарии. Но оттуда же пришло и дуалистическое мирозерцание, отрицающее плоть и мир. И вместе с этим отрицанием шли вот эти тексты – шли, находили своих переводчиков, внимательных трудолюбивых переписчиков и многочисленных читателей.

Сегодня мы можем сказать, что апокрифическая литература является ярким и интересным, волнующим эпизодом в истории духа. От тех древних битв, когда за 170 лет до Р. Х. люди Ветхого Завета стремились сохранить свою святыню перед лицом наступающей цивилизации эллинизма, до того периода, когда соблазны дуализма, спиритуализма пытались проникнуть в недра христианства и увести его со столбовой дороги, – все эти духовные столкновения, духовные поиски, духовные проблемы так или иначе были отображены в апокрифической литературе.

Я еще раз подчеркиваю, что апокрифы, созданные уже сознательно в новое время, я здесь не упоминаю. Я буду говорить о них тогда, когда мы будем касаться XIX и XX веков. Я говорю сегодня о древних апокрифах. Они есть создание культуры. Они отражают только сознание, поиски, фантазию людей. И когда мы ставим их рядом с каноническими Евангелиями, мы видим, что в этих апокрифических Евангелиях есть и история, и авторские особенности, и элементы авторского воображения, и язык. Но они – несравнимы. Ибо в отличие от апокрифов, которые отразили историю человечества, настоящие четыре Евангелия отразили Христа, отразили Богочеловека, отразили тот свет, который идет от Него. И поэтому они оказались настолько непохожими, настолько превосходили всю ту литературу, которая как бы копошилась вокруг них. Они подлинны! Гете говорил, что для него Евангелие подлинно потому, что в нем, как солнце, светит образ Христа. В апокрифах он так не светит, или свет этот очень приглушенный, очень затемненный.

Вот почему, дорогие мои, когда мы с вами из любопытства или в поисках каких-то действительно сокровенных знаний, какого-то тайного христианства (сейчас часто говорят об эзотерическом христианстве) начинаем обращаться к этой литературе, мы должны помнить, что эта литература – только памятник, только свидетельство о человеческих поисках. Она содержит в себе блуждания и заблуждения, вопрошания и ошибки человека. А Евангелие содержит в себе ответ. Ответ ясный, не предназначенный для узкой аудитории избранных, ответ, который предполагает избранным каждого человека, у которого есть искреннее желание постичь истину, у которого сердце открыто к ней.

Естественно, человек может быть более продвинутым или менее продвинутым. Но нет людей, для которых истина была бы закрыта полностью. Поэтому все то, что в Евангелии кажется нам тайной, рано или поздно, если мы будем двигаться по его пути, станет ясным. Здесь нет никаких секретов, а есть только бесконечное приближение к прекрасному, священному, божественному, воплощенному в нашем земном, человеческом – в подлинной евангель-

ской литературе, в душах евангелистов, в том, как мы встречаемся с ними, а через них – с Тем, Кто изображен в Евангелии.

Библия и древнерусская литература

Сегодня мы начнем разговор о Священном Писании в русской литературе. Вы знаете, что вместе с христианством во время процесса крещения Руси на нашу землю пришла и великая Книга, которую обычно называют Книгой Книг. Это было очень важное событие, потому что на Руси уже в первое десятилетие после крещения было немало грамотных людей. Распространение духовности не могло идти только через устное слово и через внешний символ. Нужна была книга. И вот эта Книга пришла.

Большим благословением и счастьем явилось то, что уже за столетие до традиционной даты крещения Руси Библия была переведена на церковнославянский язык. Не полностью, не целиком, но в тех ее главных частях, которые употреблялись во время богослужения. Существовали три типа библейских сборников: *паремийники*, включавшие в себя ветхозаветные тексты, которые читаются за всенощным бдением, *апракосы*, то есть тексты Нового Завета, расположенные в том порядке, в каком их читают в течение всего церковного года (а не в том порядке, как они были написаны и входили в канон), и Псалтирь. Это были первые важнейшие части Библии, переведенные на церковнославянский.

Мы не знаем в точности, кто были переводчики. Кирилл и Мефодий начали это дело. Вернее, Кирилл начал, после его кончины Мефодий продолжил, а потом неведомые нам труженики продолжали эту работу. И поэтому в X в. уже существовала почти полная славянская Библия. Приход ее означал вхождение в сознание людей целого мира веры, надежд, идей, культурных горизонтов, исторических перспектив и воззрений. И естественно это не могло остаться без последствий для развития литературы.

Распространение Библии было особенно важно в связи с тем, что крещение киевлян произошло сравнительно быстро – это была ломка. От первых рассеянных по Киевской державе небольших групп христиан до торжественного крещения жителей Киева при Владимире процесс происходил подспудно, постепенно, но потом он стал набирать необычайную скорость. Очень скоро после крещения Руси, при Ярославе Мудром, в Киеве уже стоит собор, который может соперничать с лучшими соборами Восточной Европы. Уже есть огромная библиотека, есть множество книжных людей, идет интенсивная культурная работа. Это произошло на протяжении жизни двух поколений. И такая стремительность обязательно требовала Книги, писаного слова.

Что же мы находим в этой Книге важного для литературы и истории? Прежде всего, особый, духовный, мистический историзм – восприятие жизни человечества как некой драмы, цельной драмы, которая имеет завязку и направление. Об этом свидетельствует очень древний текст, который условно называется «Речь философа». Этот текст вставлен в «Повесть временных лет», дошедшую до нас в Лаврентьевской летописи, в нем рассказано о том, как князь Владимир размышлял, какую религию сделать государственной в Киевской державе. «Речь философа» содержит в себе удивительную по выразительности, лаконизму и глубокой насыщенности краткую схему всей библейской истории.

Надо было уже владеть немалым литературным мастерством, чтобы огромный эпос Библии изложить на двух-трех страницах. Там говорится и о самом принципиальном – основании мира: Бог творит мир в течение определенного периода; Бог создает человеческий род; Бог создает его как кровное единство.

Заметим, что «Повесть временных лет» начинает свою историю не просто с какого-либо события отечественной истории, а начинает с библейского родословия народов. В десятой главе Книги Бытия, первой книги Библии, вы найдете скучную для непосвященного таблицу, где перечисляются различные народы, преимущественно Древнего Востока и Средиземноморья. Зачем в священной, религиозной книге мы видим эти бесчисленные, причудливые для нас

имена, названия племен, колен, городов, народов? А это особый прием, свойственный языку Библии: это знак, сигнал о том, что человечество есть одна целостная семья и что группы народов, которые здесь перечисляются, происходят от трех братьев – Сима, Хама и Иафета. И дальше библейские авторы перечисляют множество народов, которые потом входят в пролог «Повести временных лет».

Нестор-летописец *В. М. Васнецов*.
Эскиз-вариант росписи Владимирского собора в Киеве

Для самого повествования преподобному Нестору Печерскому (или тому летописцу, который этот текст писал, – мы не всегда точно знаем, что принадлежит одному или другому летописцу) было важно начать не просто, скажем, с основания Киева, а начать с предыстории народов. И указано, что семьдесят два народа лежат в основе человечества. Это условная священная цифра. В Библии многие цифры священны условно. Например, семь означает полноту. В Иерусалимском Храме до его разрушения в определенные дни приносилось семьдесят две жертвы – за каждый народ Земли. Фактически, несмотря на разделения, конфликты и взаимонепонимания, эта идея единства человечества была очень древней и исключительно смелой. Крупнейший русский специалист по Древнему Востоку Борис Александрович Тураев писал в своей книге, что Библия дает уникальный образец сознания единства человечества в ту эпоху, когда почти каждый народ человеком называл только представителя своего племени, а иные люди – это были уже потомки дьявола или дети каких-то злых богов, и это вполне понятно, потому что первобытному человеку свойственна боязнь чужого. И вот эту смелую библейскую идею о том, что все мы, люди, кровно связаны между собой, древний летописец делает преамбулой к истории своего княжества, славянских племен, своего государства и народа.

Я рекомендую каждому из вас найти «Повесть временных лет» – она у нас издавалась неоднократно, она вошла и в сборник Библиотеки всемирной литературы, и в серию, издающуюся под редакцией Д. С. Лихачева, и во многие другие издания, – и прочесть там «Речь философа» перед князем Владимиром. Конечно, эта речь изложена не философским языком. Это картина, более того, я бы сказал, что это икона истории: там все слегка упрощено, но это то, что западает в душу, которая начинает искать истину.

В чем же тут смысл? Для древних греков, для древних индийцев, для многих языческих народов истина была великой тайной, и остается таковой поныне: это тайна, которая скрыта за миром явлений. Но Библия открывает нам нечто иное: что история имеет священное значение для человека, что история есть то лоно, в котором замыслы Божии осуществляются. Поэтому она не безразлична, не маловажна, не есть что-то преходящее. Она – то пространство, где осуществляется великий диалог между человеком и его Творцом.

Историзм Священного Писания... Удивительно, что отцы истории, такие как Геродот, Фукидид, этого не знали. Они были почти летописцами, они просто изображали цепь событий, которые цеплялись друг за друга, а иногда казались изолированными. У них не было представления о том, что история имеет вектор.

Почему так было? Потому что человек ориентировался в древности на природу, а в природе нет вектора. В природе все вращается, все приходит на круги своя. Вот сейчас желтеют осенние листья, но мы с вами знаем, что приближаются зимние холода, потом будет опять весна, потом опять лето – и так вновь и вновь. И древний человек видел это неизменно, почти в любом поясе Земли. Даже в тех регионах, где климат сезонно не очень колеблется, двигались светила, утром всходило солнце, вечером оно обязательно садилось, менялись фазы Луны – все было статичным или вращалось по кругу. И поэтому весь мир естественно воспринимал бытие на Земле как статическую картину. И только Библия пробивает здесь брешь. Не потому, что ее писали какие-то особые философы, которые додумались до иной модели – так сказать было бы неверно. Они приняли это как Откровение, как прорыв чего-то иного, что даже им самим было не очень понятно. Но уже усвоив и приняв эту концепцию, они пронизали ею все дальнейшие Книги, и можно сказать, что от Бытия до Апокалипсиса Библия разворачивается как великая историческая поэма. Поэтому «Речь философа» – это не афоризмы, не какие-то статичные догматы, а эпос, рассказ, сюжет. Творение мира – благодать Божия. Противление человека, который благодаря своей свободе может повернуться к Богу спиной, катастрофы, которые этим порождаются. Постепенно Бог выводит человека из этой темноты и ведет его к явлению света. Откровение, данное Аврааму. Авраам еще ничего не знает, он не знает, что произойдет. Он только призван на какое-то таинственное дело. Но именно потому, что он верит

Богу, он идет и закладывает основание ветхозаветной Церкви. Это великая фигура, которая потрясала людей многие столетия. Авраам пошел в неведомое, но он знал, что есть какая-то цель. И история Ветхого Завета становится подготовкой к явлению Христа.

Христос является в мир как осуществление тысячелетних надежд. Для чего? Для того, чтобы дать человеку, слабому и немощному, новые силы для движения к полноте бытия, к Царству Божию. Человек не так-то легко на это поддается, человек этому сопротивляется, человек борется с Богом, и Бог его побеждает. И это святая победа, радостная победа. Но свобода остается. Потому и приходит Христос без меча, без силы и славы внешней. А принять Его человек может только свободным актом. Узнать Его, почувствовать Его! А потом идет развязка, и над ней размышляет князь Владимир в «Речи философа».

Что же произошло в двух мирах, прошлом и новом, что нового принесло христианство? Для некоторых людей сегодня – это мысль о какой-то иной морали. Нет, это не совсем верно. Значительную часть этических принципов христианства мы найдем у стоиков, в буддизме, в Ветхом Завете. В чем же тут особенность, почему – два мира? Над этим размышляет еще один древнерусский писатель той же эпохи, знаменитый Иларион.

Знаменитый, но неведомый. Человек, о котором мы очень мало знаем. Первый из русских, назначенный митрополитом Киевским по желанию князя Ярослава Мудрого – обычно митрополиты назначались из Византии и были греками; и вот, собрались у князя духовные лица – высшая иерархия – и провозгласили, очевидно, независимо от Константинополя, этого человека митрополитом. «Муж книжный», «честной постник», образованный человек.

Мы очень мало о нем знаем. До сих пор неточно атрибутированы его произведения. В XIX в. профессор нашей Духовной академии прот. Александр Васильевич Горский сумел доказать, что «Слово о законе и благодати» принадлежит ему. Оно включает в себя также и исповедание веры и молитву.

«Слово о законе и благодати» написано в 50-е – 60-е гг. XI в. В это время в Болгарии, Византии и во многих других восточных странах распространялось учение манихейства. Манихеи учили, что все материальное, все природное создано низшим богом, а истинный Бог создал только дух. Вы понимаете, насколько для сознания простых людей это было понятным и объяснимым? Наши болезни, смерть, трудности, голод, жажда, старение – все то, что угнетает нас в материальном мире, – все это одним росчерком относилось к злым силам. А единственной ценностью становился дух. Получалось как бы два творца: злой и добрый.

Эта идея пришла из Ирана, из древней персидской религии Заратустры. В истории религии ее называют «радикальный идеализм». Ее усвоили гностики, манихеи. Несмотря на то, что манихейство преследовалось и христианами, и последователями других религий, оно неудержимо распространялось. В Европе манихеи назывались альбигойцами или катарами. Наверное, многие из вас помнят со школьной скамьи знаменитые Альбигойские войны, которые бушевали во Франции именно в это время, в XII–XIII вв. Альбигойцы захватили почти всю южную Францию, захватили в прямом смысле слова: то есть к этой доктрине склонились могущественные феодалы, у которых были замки, войско, и шла война.

В России источником дуализма была соседняя Болгария. Там это учение называлось богомилством. Богомилская литература очень быстро проникала на Русь, и не всегда люди, особенно не богословы, могли отличить книги подлинно церковные от этих еретических книг.

Может показаться, что митрополит Иларион, когда он писал о резком противопоставлении старого закона и новой благодати, находился под влиянием богомилской ереси. Но это не так. Это очень сложное произведение, очень трудно толкуемое с богословской точки зрения, причем автор подчеркивает: «Я же пишу не неграмотным, не детям, а людям, которые в этом разбираются». Значит, у него уже тогда была изощренная богословская аудитория, для которой он мог написать такую сложную и спорную вещь. Для того чтобы отклонить мысль о том, что он разделяет ересь богомилов (или катаров, или альбигойцев) о двух заветах – завете

дьявольском и завете Бога, Иларион начинает с такой преамбулы: «Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, за то, что посетил и дал избавление людям Своим». То есть Бог Ветхого Завета для него тождествен Богу Нового, и здесь не может быть никаких сомнений. «Кто еще велик, как наш Бог? Он один, творящий чудеса, установил закон, предваряющий истину и благодать, чтобы в нем пребывало человеческое естество, от многобожия языческого отходящее к вере в единого Бога; чтобы человечество, как сосуд скверный, но омытый, словно водою, законом и обрезанием, восприняло молоко благодати и крещения. Ибо закон предтечей был и слугой благодати и истины».

Значит, концепция закона в Ветхом Завете здесь рассматривается под углом зрения, если хотите, эволюции – как подготовительная стадия. Люди находятся во мраке идолопоклонства. Бог дает им закон, чтобы из этого состояния выйти, и, когда является Христос, закон отступает – по образному выражению Илариона, как уходит луна, когда восходит солнце, – и торжествует благодать.

В чем принципиальная разница между законом и благодатью? Антитезу закона и благодати впервые очень остро сформулировал апостол Павел. Я постараюсь передать вам самую суть. Закон – это кодекс этики, закон – это принцип, правило; закон – это ограда; наконец, закон – это обряд.

Нужен ли обряд? Да, конечно, потому что он выражает наше духовное состояние. Нужна ли ограда? Да, потому что она формирует человеческое общество и самого человека. Нужны ли кодексы: не нарушай, не убивай, не кради и так далее? Да, конечно. Так мы поступаем с ребенком, когда начинаем его учить. Мы ему сначала говорим, чего не следует делать. Мы учим его обуздывать себя, мы говорим: нет! Начинать приходится преимущественно с негативных моментов.

А что такое благодать? Это уже возможность для человека воспринять божественную силу, которая будет помогать ему позитивно преобразовывать свою личность.

Закон как бы сажает человека на цепь, чтобы он не ушел далеко. Благодать открывает человеку свободу, чтобы он нашел силу в своем внутреннем мире; не во внешних «прельщениях», как говорили в старину, а изнутри. Чтобы любовь к человеку, самоотвержение, правда – все то, что является для нас главным в жизни, – осуществлялись не под давлением какого-то кодекса, в который мы заглядываем со страхом, как в уголовный кодекс, а изнутри. Кстати сказать, уголовный кодекс имеет к этому прямое отношение. Я много раз беседовал с представителями правоохранительных органов, милиции, и спрашивал: сильно ли действует на преступников ужесточение наказания? Ни один не сказал, что да. Все они говорили, что, если есть у человека совесть, тогда что-то получается. Но как ни пугай их всеми мерами, в том числе и высшими, если нет ничего внутри, если не действует благодать, никакой закон, даже уголовный, не помогает. Это реальный психологический и исторический факт.

Каждая культура создается в рамках обряда. Это естественно, это драгоценно для нас. Потому что обряд есть форма – национальная и культурная форма выражения человеческих чувств. Если мы ее ликвидируем, это все равно что разбить стакан и пытаться пить воду. Конечно, стакан – не вода. Но для того чтобы вода держалась, необходима форма. Это еще один элемент закона. Но у обряда есть одна особенность: поскольку он понятен и свойствен психике человека, то у обряда есть тенденция захватить все, захватить и не принадлежащие ему сферы, как если бы стакан превратился в сплошной монолитный кусок стекла, в котором не было бы места для воды. Эта проблема была, есть и будет острой.

По вопросу об обряде были сражения: в XVI в. в Европе – Реформация, в XVII в. на Руси – раскол. И до сих пор внутри христианства есть разделение по поводу обряда. Скажем, баптисты от нас отделяются, потому что не признают нашего обряда. Многие, многие конфликты внутри христианства были с этим связаны.

Для традиционного архаичного сознания и для сознания средневекового это было еще более важным элементом. И, конечно, Древняя Русь сначала приняла христианский обряд, а потом уже углубилась в сущность христианства. Подобно тому, как сначала мы учим маленького ребенка налагать на себя крестное знамение, и лишь потом он понимает глубину этого знака, так и начинающий язычник шел от обряда.

Но что поразительно: очень скоро, так же скоро, как возникла историософия в древнерусской летописи, библейская историософия («Речь философа»), возникает понимание того, что называют историческим провиденциализмом, – то есть что существует нравственный миропорядок. Это проходит красной нитью через всю летопись. И у Илариона это есть, когда он говорит, что историческое возмездие существует. Не потому, что Бог является жестоким карателем, а потому что есть связь, глубокая связь между событиями и деяниями человеческими. И когда оскудевает добро, наступает экологическая катастрофа духа. И это есть возмездие.

В XII в., незадолго до своей смерти, уже «сидя на санях», как тогда выражались (на санях везли знатного покойника), князь Владимир Мономах пишет свое «Поучение».

Он пишет его не только своим потомкам, но также и всем, кто, как он выражается, «хочет понять и прочесть». Это удивительная книга. В мировой средневековой литературе это памятник, в каком-то смысле равный по значению пророческим писаниям Библии. Книга начинается с того, что князь Владимир переписывает Псалтирь: строчка за строчкой, фраза за фразой. Мы чувствуем, что престарелый князь не может остановиться, потому что каждая фраза для него – живая. И мы видим, как созвучны душе христианина XII в. сетования и хвалы древних псалмопевцев, живших задолго до нашей эры. Видно, что ему не хочется останавливаться. И потом он говорит своим читателям, в чем для него заключается самая суть христианской веры. «Прежде всего, – говорит он, – Бога ради и души своей страх имейте Божий в сердце своем». Подумайте: человек понял что-то духовное, глубокое, и вдруг – страх, вдруг какая-то зловещая нотка. Над этим много размышлял о. Павел Флоренский; свои известные лекции о философии культа он начал с лекции о страхе Божиим.

Ярослав Мудрый и Владимир Мономах
Фрагмент памятника «Тысячелетие России». Скульптор *М. О. Микешин*. 1862 г.

Слова эти взяты из Библии. Должен вам пояснить, что в Библии есть два древнееврейских термина, которые обозначают страх: один обозначает страх, каким человек боится грозы, молнии, дикого зверя, а второй – это страх, каким он боится Бога. Это совсем другой страх. Мы не должны понимать его как страх в прямом смысле слова. Это трепет, это благоговение. Как говорил один горец в Гималаях, когдаходишь к большой горе, то надо уметь к ней подходить. Знаменитый историк религии Рудольф Отто писал о том, что человек переживает перед

Богом и обычный страх, и надежду, и радость, и любовь, но есть особое чувство – это внутреннее потрясение души, это трепет перед особой тайной, нечеловеческой тайной – «mysterium tremendum», чувство нуминозного (от лат. numen – божество). Вот это есть страх Божий.

Не надо думать, что Бог – это картинка, что Бог – это отвлеченное понятие. Вспомним прежде всего слова пророка Исайи, у которого Господь говорит: «Как небо далеко от земли, так и ваши мысли далеки от Моих. Я Бог, а не человек». И когда мы в обыденной речи начинаем говорить о Боге так, как будто мы говорим о соседе, или как будто мы говорим о начальнике какого-то большого общепланетного министерства: почему Он недосмотрел там, почему недосмотрел тут, – мы забываем о страхе Божиим, мы забываем, что это Бог, а не человек, что это иноприродное нам Начало, что это Личность, Лицо, но совсем особое, и поэтому без благоговения, без трепета подойти к Нему нельзя: все потускнеет, все исчезнет, Он Себя не откроет.

Это понимает и князь Владимир, когда напоминает библейские слова о том, что начало мудрости – это страх Божий. Далее он говорит: «Научись, верующий человек, быть благочестием свершителем», научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». И дальше он говорит удивительные слова: «Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забываюте трех дел тех (он имеет в виду дела милосердия), не тяжки ведь они; ни затворничеством (обращаю ваше внимание!), ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию».

Разумеется, Владимир Мономах совсем не отрицает аскетических подвигов (аскетизм занимает очень важное место в христианстве, в Евангелии), но в то же время князь уловил, сохранил главное, что есть в Евангелии: что все-таки Богу важнее милосердие к ближнему. И ни затворничество, ни голодание не могут быть выше, чем действенная любовь. Это говорит нам человек XII века, повторяя слова еще более древние, в то время как многие столетия спустя люди оказывались не в состоянии понять это понять. Я вполне мог бы дать сегодняшнему человеку, скажем, моему прихожанину, русский перевод духовной части «Поучения Владимира Мономаха» как краткий компендиум православного, христианского, евангельского учения, и практического по преимуществу. Оказывается, в Древней Руси это умели формулировать, возвышенно и благоговейно.

А теперь мы сделаем сразу огромный скачок в истории. Мы перейдем через эпоху феодального распада, ордынского ига, возвышения Москвы (вы понимаете, что в одной небольшой беседе невозможно охватить всю эту огромную тематику) и подойдем к протопопу Аввакуму, человеку XVII века.

Здесь мы найдем удивительный контраст. Я не буду напоминать вам о том, что протоиерей Аввакум Петров был одним из ярчайших писателей своего времени, что это был борец за дело сохранения старых традиций, деятель действительно огромного масштаба. Это такая личность, которая в истории рождается, может быть, раз в полвека, а то и реже.

Я хочу обратить внимание на роль Библии в его творчестве. Он писал, уже находясь в ссылке, в Пустозерске, в суровейших, ужасных условиях, которые и сейчас-то для людей трудны, когда у нас есть и радиосвязь, и электричество. Тогда, в конце XVII в., его сослали туда за инакомыслие и потом казнили жестоким образом (вы, наверное, знаете, что он был сожжен в срубе). Это был человек непреклонный.

Протопоп Аввакум писал там толкования на священные книги, толкование на Библию, на отдельные части Ветхого и Нового Завета. У него мы находим совершенно иной стиль, иной подход. Того величественного, немножко византийского, благоговейно-возвышенного стиля мы у него не найдем. Этот человек пишет, как будто рубит топором, грубыми народными словами, которые он слышал в своей нижегородской юности.

Сожжение протопопа Аввакума в Пустозерске в 1682 г.

Миниатюра рукописи конца XIX в. работы А. А. Великанова

Вот, скажем, он описывает драму первого человека, Адама. Для него это не просто история, для него это вечный архетип человека перед Богом, и в этом он прав. Сказание об Адаме, которое обнимает всех нас, – это сказание о своеволии. Я думаю, вы все помните, что в молитве «Отче наш», единственной молитве, которую непосредственно дал нам Господь Иисус, есть слова: «Да будет воля Твоя». Это великая молитва и великие слова. Только открывшись высшей воле, человек осуществляет себя, осуществляет свое подлинное «я». Чтобы проверить это, человеку говорится: вот здесь красный свет! Но он говорит: да будет воля *моя!* И змей, кото-

рый олицетворяет все низменное и темное, сатанинское, демоническое, говорит: *можно*, – вы будете как боги, владеющие добром и злом – всем миром.

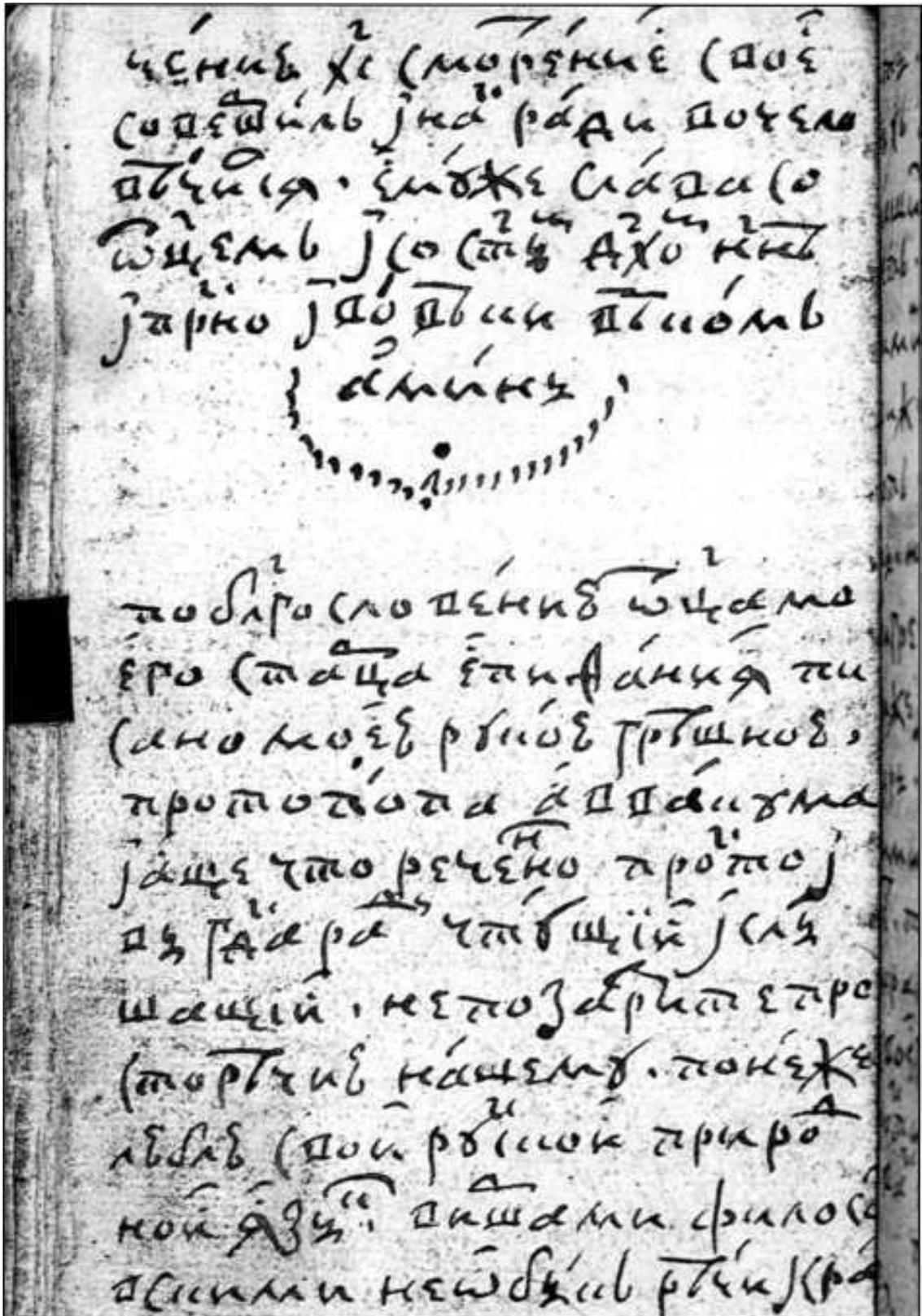
Я должен пояснить это идиоматическое выражение: на древнееврейском языке слова «добро и зло» обозначают «все на свете». «Ведать», знать – не означает научное, философское, теоретическое познание, а обозначает владение, обладание; поэтому, скажем, к мастерству музыканта или к супружеским отношениям прилагается тот же глагол «знать». «И познал Адам Еву, жену свою» – значит, он вступил с ней в союз любви, плотской любви. Так вот, «познать добро и зло» – значит управлять всем. Это как раз девиз науки современной, науки Нового времени: встать у пульта и вертеть Вселенной, как будто бы это детские игрушки. Так захотел сделать первый человек. И когда он вкусил от запретного дерева, он увидел только одно: что он голый, что он беспомощен. И спрятался от Бога. Вечный образ. Первое движение – убежать.

Бог спрашивает: «Где ты, Адам? Почему тебя не вижу?» – все так образно, как в природе. Это сделано специально для того, чтобы люди любой цивилизации, любого уровня, пятилетний ребенок и семидесятилетний старик, поняли. «Где ты, Адам?» (помните, у Генриха Бёлля есть такая книга: «Где ты был, Адам?») – а он говорит: «Я спрятался». – «Почему?» – «Я вижу, что я голый» (у него появилось чувство стыда). – «Откуда ж ты узнал это? Не вкусил ли ты оттуда?» Это момент, важный для совести человека, когда он должен сказать: «Да, я преступил Твою заповедь». Но нет, он говорит: «Это женщина, которую Ты мне дал, она меня соблазнила». Бог спрашивает женщину: «Как же ты вкусила от запретного?» И она не кается, она говорит: «Это змей». И так идет цепочка. И змей тут оказывается «последней инстанцией». Все это настолько бессмертно, настолько передает основную модель искушения – для любого времени, – что мы начинаем понимать, почему протопоп Аввакум мог писать об этом в таких словах.

Вот Аввакум описывает драму Адама и потом говорит: «... Оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы невоздержания, увы небрежения Господни заповеди! Оттоле и дондесь творится так же леть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием неразтворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочиими питии и сладкими брашны. А опосле и посмевают друг друга, упившагося до пьяна, – слово в слово, что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытие паки (то есть «Книга Бытия продолжает»): “и вкусиста Адам и Ева от древа, от него же Бог заповеда, и обнажистася”. О, миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавый хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул.

Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы безумия и тогдашнева и нынешнева!»

Автограф протопопа Аввакума.
Пустозерский сборник. 1675 г.

Подобного рода иронический, слегка юмористический, шаржированный, гротескный подход мы находим почти всюду в толкованиях протопопа Аввакума. И может показаться, что у этого человека как бы ослабел страх Божий, если он подходит к священным предметам

иронично. Нет! Вот здесь – большая тонкость литературного гения этого человека, который, употребляя вульгаризмы, даже брань и почти сквернословие (с нашей точки зрения, в нашем лексиконе; я этого вам не стал зачитывать), сохраняет дистанцию. Он говорит нам о том, что это написано не про первобытных людей: это происходит всегда, это касается всех нас, эти священные модели вечны. Он берет в качестве образца пьяницу (а можно было бы взять и другое) – то, что было у него перед глазами, тем более что в Сибири, в этом климате, люди всегда пили хорошо.

Это особый подход, он прочно укрепился в мировой литературе. Мы очень часто можем видеть подобное в современной английской, американской, французской библеистике, особенно популярной. Мне даже приходилось читать специальную книгу «Юмор в Библии».

Да, в самой Библии много юмора, потому что юмор – это человеческое свойство, дар Божий. Ведь у животных юмора фактически нет. И юмор, и даже сарказм были в обилии у пророков. Есть юмор и в Евангелии. Вы скажете: как, такая серьезная книга – какой же там может быть юмор? Есть, и очень много. Просто мы разучились читать свежими глазами. Почти все притчи Христовы произнесены с улыбкой. Вот вам хрестоматийный пример. Господь говорит о том, что в духовной жизни необходима необыкновенная настойчивость. В стремлении, в молитве человек не должен думать, что вот сейчас все получится. И чтобы пояснить эту мысль, Он рассказывает про некоего судью, который Бога не боялся, людей не стыдился. Приходит к нему вдова (очевидно, дальняя предшественница чеховской «женщины слабой и беззащитной»), приходит и начинает его донимать: «Ты мое дело разбери». Сначала он ее отсылает, потом видит: нет, это не та женщина, от нее так просто не отделаешься, и в конце притчи он говорит: «Да, хотя я Бога не боюсь, людей не стыжусь, но что же со мной будет, если я не решу ее проблемы?» И он идет ей навстречу. Господь привел этот как бы смешной случай – но для серьезной цели. И многие притчи именно таковы. Потому что человеку свойственно смеяться и свойственно видеть несоответствие между идеалом и действительностью.

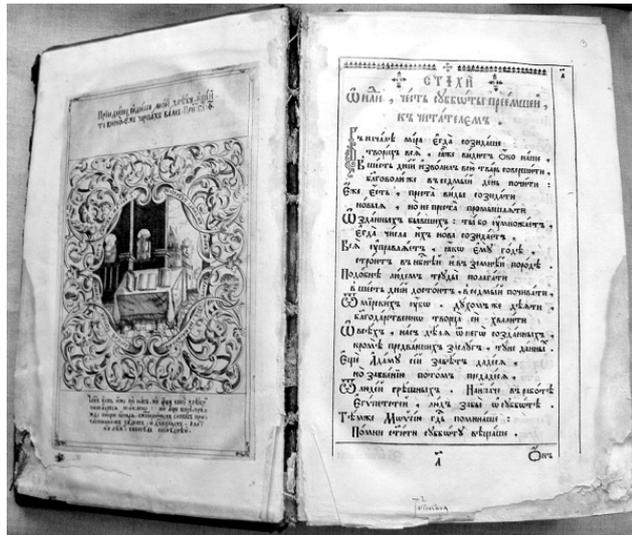
(Как-то в Москве одна замечательная женщина, Надежда Николаевна Ладыгина, воспитывала обезьянку шимпанзе. А потом у нее родился сын, и она написала прекрасную книгу, которая вышла перед войной: «Дитя шимпанзе – дитя человека». Там, в одной из таблиц, она сравнивает, что общего у них, что их различает. Чувство юмора у ребенка пробуждается, у шимпанзе – нет. Когда шимпанзе смеется, это просто рефлекторная реакция на удовольствие, на щекотку и т. д.)

Поэтому свежий, новый, острый подход к библейской фактуре в древнерусской литературе вполне оправдан, и он заставлял людей, которые слушали и читали протопопа Аввакума, свежими глазами увидеть тексты, которые к XVII веку, начиная со времен крещения Руси, уже стали чем-то привычным, они как-то перестали замечаться.

Подобную же цель преследовал современник протопопа Аввакума, но человек совершенно иного склада, Симеон Полоцкий. Он хотел открыть Библию заново, вскрыв ее поэтические свойства. Симеон Полоцкий был родом с Запада, из Белоруссии, служил при Алексее Михайловиче, был прославлен как поэт, как создатель придворных пьес. Он написал стихотворный парафраз Псалтири. В предисловии он пишет, что Псалтирь – это поэтическое произведение, что это поэзия, поэтому он имеет право переложить ее на стихи точно и близко к подлиннику. Знаменитый художник Симон Ушаков сделал гравюры к этой книге. Она вышла и пользовалась на Руси большой популярностью.

Но в одном отношении Симеон Полоцкий приближался к протопопу Аввакуму – своему антагонисту по идеологии (потому что старообрядцы и западники были достаточно чужды друг другу; это были разные миры внутри древнерусской культуры; Симеон Полоцкий отнюдь не одобрял старообрядцев). Он писал пьесы на библейские темы. Их ставили при дворе царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В частности, он написал пьесу-комедию о блудном сыне. Евангельская притча превращалась в актуальное событие. Как-то я видел запад-

ный фильм о блудном сыне. В этом фильме отец – почтенный современный бизнесмен, в прекрасном костюме, живущий в замечательном домике. Сын его – искатель приключений, может быть, хиппи, путешествует автостопом, ищет себе приятелей, потом пропадает где-то в ночных кабаре... Все в современном плане. Это то же самое, что делал Симеон Полоцкий в своих пьесах, которые ставил в XVII в. при царском дворе. Для чего это нужно? Чтобы вечный смысл Писания все время перевоплощался в какие-то новые формы, национальные и эпохальные, соответствующие эпохе, и чтобы люди всех сословий и званий могли понять великую весть, которую нам несет Библия.

Симеон Полоцкий. Обед душевный

ключения странствующего рыцаря. Он становится адвокатом, когда ему нет еще и двадцати лет, и совсем юным получает огромную популярность в Нидерландах. Гроций изучает различные науки, занимается философией, богословием, филологией, юриспруденцией.

В это время в Нидерландах бушует религиозно-политическая война. Такие войны охватили тогда всю Европу, включая Россию. (Не надо думать, что раскол, старообрядчество и определенным образом связанное с ними восстание Разина и другие мятежные события XVII в. – какие-то изолированные факты истории, принадлежащие только нашей стране. Нет. Тогда поколебались основы всей христианской Европы. И религиозные войны, которые бушевали на Западе, имели свои параллели и в России.)

В Голландии быстро распространялась строгая кальвинистская доктрина. Дело в том, что когда пошатнулась старинная, исконная, выверенная, но уже ставшая несколько склеротичной, церковная католическая система, когда на ее место пришли вольные течения протестантизма, после первого глотка религиозно-церковной свободы стало быстро наступать отрезвление. Стало ясно, что человек в массе своей нуждается в церковной структуре. Разрушив старую, отказавшись от нее, необходимо было строить новую. И вот с этим замыслом и с этой практикой выступил Жан Кальвин, женеvский религиозный диктатор. Те из вас, кто о нем мало знает, найдите недавно вышедшую книгу Стефана Цвейга «Совесть против насилия». Там дается, правда, несколько утрированный, омраченный, образ и без того сумрачного Кальвина.

Да, он, конечно, был диктатором. Но недостаточно сказать, что он был просто диктатором. Иначе не было бы у него стольких последователей: и до сих пор существует довольно обширная Реформатская Церковь. Все это было определено Кальвином. Взамен старой, отвергнутой церковной системы, которая была свойственна Католической Церкви, он предложил новую, достаточно жизнеспособную. Но для свободных и просвещенных людей, таких, как Гроций, эта система оказалась тесной. И поэтому он примкнул к последователям другого голландца, Якоба Арминия.

Этот замечательный человек выступил с богословской полемикой против Кальвина, утверждая, что тот несправедливо, неверно, неадекватно истолковал апостола Павла, приняв буквально его учение о предопределении, взяв его формально, рационализоваv его. И получилось, что все люди жестко запрограммированы либо на вечное совершенствование, либо на вечную гибель.

Эта мрачная, я бы сказал, доктрина была подвергнута Арминием критике. Но полемика по поводу сущности человека и его свободы переплеталась все время с политической борьбой. Втянутый в эту борьбу, Гроций оказался в тюрьме, его приговорили к пожизненному заключению. Но через три года жестокий режим в тюрьме ослабел. Гроцию стали давать книги. Его жена, необычайно энергичная дама, постоянно носила ему книги целыми корзинами (видите, какие в то варварское время были способы содержать людей в тюрьме!). И корзины часто были столь большие, что у жены Гроция возник смелый план, который она и осуществила.

Однажды ее слуги вынесли из тюрьмы большую корзину якобы с прочитанными томами, но в этой корзине сидел ее муж. Таким образом, пробыв три года в тюрьме, он покинул свое узилище.

Гроций уехал во Францию, потом в Швецию – такой человек всюду был нужен, потому что он владел множеством различных полезных знаний. Он стал послом Швеции во Франции (правда, с Ришелье ему не удалось установить хороших отношений).

Тогда он написал свои замечательные научные комментарии к Ветхому Завету. Это был один из первых опытов комментария к Священному Писанию на основании истории, на основании сравнительного метода. Этот метод был применен в той же Голландии, в том же столетии, но уже в более развернутом виде известным философом-пантеистом Барухом Спинозой.

Хотя Голландия и изгнала своего сына Гроция, но мир его признал. Его трактат о международном праве вышел тогда же множеством изданий. Гроций продолжал писать и на бого-

словские темы. Любопытно отметить, что его книга «Рассуждения против атеистов» – в защиту христианской веры – уже вскоре была переведена на русский язык и издана у нас в XVIII в.

Я не буду останавливаться на всех перипетиях судьбы Гроция. Умер он вскоре после тяжелого морского путешествия, где едва не погиб – корабль потерпел крушение. Гроций вернулся домой уже больным и вскоре умер, будучи еще сравнительно молодым.

У него был друг, единомышленник, Ноет Вондел, который был младше его всего на четыре года (Гроций родился в 1583, а Вондел – в 1587 г.). Но Вондел прожил почти девяносто лет и был свидетелем бесчисленных потрясений, которые тогда терзали Европу.

Драматическая поэма Гроция впервые не только позаимствовала материал из Библии, но и связала его с народными апокрифическими мотивами. Тогда, в эпоху расцвета бурных драм и трагедий, всех волновала проблема первопричины: как началось зло, которое терзает человеческий род, где его начало? Поэтому тайна сатаны, тайна Люцифера, тайна падения прачеловека Адама была в центре внимания. В Средние века не раз на народных празднествах устраивались спектакли – сказания об Адаме и его падении. Это было и на Руси времен Алексея Михайловича, и на Западе. Этот опыт сказаний с вольной интерпретацией Библии использовал Гуго Гроций.

Должен вам сказать, что Библия не содержит рациональной теодицеи. То есть, иными словами, в Библии нет строго логического последовательного объяснения природы и причины зла. Библия учит о том, что зло реально существует и человек должен противостоять ему, бороться с ним. Но она не рационализирует, не раскладывает по полочкам, не дает какой-то теории, оставляя человека перед тайной, навстречу которой он должен всегда идти, набравшись смелости, веры и твердости духа. Но есть в Библии слова, как бы брошенные вскользь, что сперва дьявол согрешил. Эти слова заслуживают внимания, потому что многие люди, читая Библию, полагают, что зло пришло с человеком, что до него все было благополучно. Но оказывается, по словам апостола Иоанна, зло уже вошло в мир до человека, и когда человек повернулся в сторону зла, то есть вопреки Богу, он уже имел кем-то проторенную дорогу.

И еще одно. В Библии есть образ, фигурирующий как бы на заднем плане, – это образ гигантского морского чудовища, символ хаоса, символ мятежной стихии, которая все разрушает. Это сатана (*satan* по-древнееврейски, что значит «противник»). Бог есть торжество света. Как говорит поэт Алексей Константинович Толстой:

Бог один есть свет без тени.
Нераздельно с Ним слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота.
Но усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество.

Свобода предполагает возможность зла, и битва начинается до появления человека. Гроций пытается эту битву изобразить в лицах, он ее конкретизирует, можно сказать, мифологизирует. А я бы даже сказал: чрезмерно очеловечивает. Он рисует царство каких-то существ (которых он называет ангелами, духами), но это совсем не таинственные духовные существа в

понимании современного человека, а это обитатели каких-то иных миров. Больше всего они похожи на инопланетян, на неких братьев по разуму. И надо так их и трактовать.

Однажды, когда я смотрел известный фильм «Star Wars» («Звездные войны») и читал этот смешной, детский роман о том, как в космосе сталкиваются светлые и темные силы, мне это очень напомнило поэмы Мильтона, Вондела и Гроция. Схватки в космосе, показанные в этом фильме, очень похожи на то, что пытались изобразить эти великие писатели.

Итак, некое царство, назовем их так, обитателей иных миров, которым определено некоторое пространство во Вселенной. И вдруг они узнают, что Творец сделал царем Вселенной некоего обитателя Земли – малой планеты! Более того, Он этого обитателя хочет в конце концов размножить и предоставить ему всю Вселенную – как господину. И это вызывает ненависть, зависть, мятеж главы этих существ – Люцифера – «носителя света» (Люцифер – «светоносный»). Он восстает против Бога, происходит сражение, он терпит поражение и, пытаясь нанести победителю урон, отравляет сознание, соблазняет человека. Человек оказывается, хотя бы ненадолго, на стороне Люцифера, который объясняет ему, что если он соединится с ним и восстанет против власти Бога, они вместе будут царствовать в творении. Разумеется, это был обман, и люди не стали как боги. Гроций изображает момент нарушения запрета как помрачение ума у первых людей, Адама и Евы, – они становятся безумными! И потом, придя в себя, они понимают, что перешли какую-то мистическую линию, какую-то черту – и наступила катастрофа. Трагедия такова, что выхода нет; но, следуя Писанию, Гроций указывает на будущее спасение человечества. Человек не отвергнут.

Иначе подошел к этой теме Пост Вондел. Это человек другой судьбы. Он был очень разносторонним, как и Гроций: ученый, поэт, прозаик, драматург, – и страдал оттого, что христианский мир раздирается войнами.

Родился он в семье ремесленника, сектанта-меннонита. Его не устраивала жесткость реформатов, он искал полноты Церкви, более свободной, более многогранной церковной жизни. И уже в зрелом возрасте, когда ему было за пятьдесят, он воссоединился с Католической Церковью.

Йост Вондел

Библия была неразлучным спутником жизни и творчества Йоста Вондела. Через нее он воспринимал события своего времени. В драме «Пасха» он описывает освобождение израильтян из египетского рабства, и мы слышим в ней гимн свободе Нидерландов, которые боролись с Испанией за свою независимость. Он обращается к различным сюжетам библейской истории, к истории Иосифа Прекрасного, Давида, который взлетел на высоту славы и потом из-за неблагодарности и измены своих детей находился в изгнании и страдал.

Вондел учился уже не у Сенеки, а у греческих трагиков. В его произведениях дышит дух Эсхила и Софокла. Могучие характеры, грандиозные столкновения воли и сил! Сейчас, впервые с 40-х годов XIX в., когда были изданы по-русски небольшие фрагменты

Вондела, мы имеем в переводе всю библейскую трилогию Вондела, которую он назвал «трагедией трагедий», то есть началом всей человеческой драмы. В этот небольшой томик входят «Люцифер», «Адам в изгнании» и «Ной», то есть восстание демонов (ангелов), восстание Адама и восстание исполинов. Трилогия вышла в прекрасном переводе Витковского, который

сжился с русской поэзией XVIII века, блестяще овладел языком, духом и стилем той эпохи и сумел передать текст Вондела в этом ключе. В приложении впервые опубликован перевод трагедии Гроция «Адам изгнанный», о которой я вам говорил (в переводе Шичалина).

Что нового появляется у Вондела? Он видел пафос борьбы, знал могущество демагогов, знал, как они увлекают массы на ложные пути, запутывают их в сети. Таким предстает у него Люцифер. Это истинный демагог, который обольщает толпы «люциферистов» – ангелов, которые вслед за ним бездумно идут навстречу своей гибели, потому что хотят изменить мировые законы и восстают против Бога. А потом происходит битва, космическая битва. Все это начертано в эпически грозных, уже барочных тонах.

Вы, может быть, помните картину художника Тинторетто «Архангел Михаил поражает дьявола»: сумрачные тона, длинное копьё, и вниз катятся темные силы. Вондел, конечно, знал эту картину. Во всяком случае, она очень созвучна ему.

И вот на сцене появляется человек... Идеальный человек! Адам и Ева – это гимн человечности, гимн любви. Единство мужа и жены даны в совершенной гармонии. И все это на фоне сказочного леса, сада эдемского, они – в единстве с природой. Появляется соблазнитель. Он пытается вовлечь в грех Адама как разумное начало, но Адам не поддается. Тогда он обращается к Еве и обещает ей знание; знание – и равенство с Богом! Ева соблазняется, поддается, несет плод Адаму, который ужасается (Вондел все это передает очень драматично). И вдруг он понимает, что она от него оторвалась, она погибнет, и он не хочет ее оставить одну. И вот они вместе совершают это нарушение, вкушают плод, и начинается внутреннее разрушение их душ. Впервые между ними возникает конфликт: они начинают обвинять друг друга! Потом небесный голос взывает к ним – это конец. Но это конец не полный. Перед тем как уйти из Эдема, Адам и Ева слышат пророчество о том, что Бог не покинет их и весь человеческий род.

Следующая драма – «Ной». Мир населен исполинами, гордыми титанами, которые бросают вызов небу. На Землю обрушивается потоп. Вондел был ученым, историком; в предисловии к драме «Ной» он подробно пишет о свидетельствах народов, древних мифов и легенд о том, что потоп действительно был. (Если вы сейчас захотите познакомиться с этим, то можете обратиться к книге нашего известного писателя и популяризатора Кондратова, который пишет на тему геологии и истории. У него есть несколько отличных книг, посвященных вопросу о потопе. Одна из них – «Великий потоп – миф или реальность?».) Но, поверьте мне, для Священного Писания этот материал имеет лишь второстепенное значение. Для Вондела он был важен: его вдохновляло, что он пишет о событиях реальных, действительных. Но нам важно совсем иное.

Сколько было в истории человечества катастроф, наводнений, извержений и других бедствий! Но Библия говорит о другом: о том, что природа имеет своим главой и царем человека. Она вышла из бездны; бездна моря – начальная стихия, согласно поэтике библейского сказания о сотворении мира. И если человек оказывается недостойным своего звания, если человек разрушает все, то разрушается и вся природа – она возвращается в исходное состояние первичного водного хаоса. Природа живая! Она реагирует на зло, воздвигаемое человеком. И это вечный и важнейший для нас урок сегодня: человек ответственен перед Богом за себя и за окружающий мир.

Но Вондел хочет показать, что восстание зла становится все меньше и меньше и последствия его смягчаются. Если восстание сатаны – это абсолютная чернота и он выбрасывается за пределы божественных замыслов, то восстание Адама получает прощение и надежду в будущем. А Ной вообще не погибает, а сохраняется и дает начало будущему человечеству.

Вот такие размышления о судьбах человечества были в Нидерландах. И в скором времени мы находим великий образец тех же размышлений над теми же сюжетами в Англии времен английской революции, низвержения Стюартов, диктатуры Кромвеля.

Джон Мильтон. Человек, родившийся уже в XVII в., в 1608 году. Трагичная судьба. Интеллектуал, с юности зарывшийся в книги, до тридцати лет ничем, кроме интеллектуальной работы, не занимавшийся, он оказывается втянутым в великую борьбу пуритан. Стронник и помощник Кромвеля, Мильтон составляет латинские тексты для международных контактов восставшей Англии. Но он убеждается, что те, кто подняли знамя свободы, свергли и казнили короля, оказались столь же деспотичными и столь же жестокими, как и представители старой династии. Оказывается, диктаторство, насилие, зло – не только в структуре общества, но и в самой природе человека!

Потом, когда началась реставрация и королевская власть вернулась, Мильтон едва избежал казни. К тому же он ослеп. Одинокий, всеми брошенный, еще достаточно молодой (ему еще не было пятидесяти), он начинает диктовать свою великую поэму «Потерянный рай». (На русский язык поэма переводилась неоднократно. Сейчас мы имеем блестящий перевод Аркадия Штейнберга, он вошел в «Библиотеку всемирной литературы».)

Джон Мильтон

Сюжет все тот же. Но на этот раз мы его видим уже не в драме, а в огромном, грандиозном эпосе типа гомеровского. Образы поразительные и в то же время внушающие изумление и недоверие. Опять инопланетяне! Опять Джон Мильтон какие-то совершен но плотские существа, восставшие против Бога, которые убралась в некое царство, там они строят огромный дворец Пандемониум (то есть «собрание всех демонов»), там они замышляют свои мятежи против Неба, пока глава их, сатана, не решается нанести Богу удар через человека. И вот космическая картина: сатана, подобный черному грифу, распростер исполинские крылья и через

звездные сферы несется к шару Земли. И голос Божий его провожает. Бог видит, что эта черная тень приближается к Земле. Но победы сатана не одержит. Он проходит через всевозможные космические препятствия, бури, туманы, скалы... И вдруг мы чувствуем, что этот сатана вызывает у нас симпатию! Что это мощный герой, отважный космический путешественник, который способен был преодолеть (пусть ради мести, ненависти) и преодолел гигантские пространства, вторгается на нашу планету, идет по ней и достигает райских садов – великолепных джунглей, где он блуждает в унынии, в отчаянии, находит людей – и совершается опять все та же драма.

Почему сатана у Мильтона выглядит симпатичным? Потому что в процессе поэтического творчества он перестает быть сатаной. Он становится просто героем борьбы за какую-то цель. И здесь Милтон вложил в него часть своей души – души несгибаемого борца! Пушкин восхищался в Мильтоне именно его стойкостью, его верностью принципам до конца жизни! На самом деле, конечно, это уже не дьявол, не сатана – это поэтический образ, отражающий душу человека, автора.

Замечательный момент в конце поэмы: когда Адам и Ева должны покинуть рай, ангел говорит им, что они найдут другой рай, они не будут жалеть об этом, покинутом. Есть рай: это любовь, это милосердие. Это будет рай внутренний. Рай внутри тебя. И он будет лучше, чем вот этот земной и внешний.

Во второй поэме, написанной вскоре, которая называется «Возвращенный рай», сатана уже полностью лишен героизации. Очевидно, сам поэт почувствовал эти невольно возникшие героические черты в своем черном герое и изобразил его иначе.

Он встречается с Иисусом Христом. Он уже богатый владелец всех соблазнов земли! Он предлагает будущему Избавителю мира пойти по пути славы, силы, удовлетворения всех желаний. Но Иисус побеждает все искушения, и сатана отступает. Отступает, потому что у него нет главного – нет величия духа. Все соблазны мира кроме величия духа!

В конце жизни Милтон пишет драму «Самсон – борец». Всей силой своей страсти приникает он к главной библейской истине: подлинная вера есть свобода! Христос говорил: «Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными». С самого начала, когда Моисей провозгласил народу: «Выходите из дома рабства!», начинается в Библии поход из рабства: из рабства греха, из рабства зла, из рабства самых серых, цепляющихся за человека начал. Свобода! Самсон выступает в поэме как народный герой. Его образ даже глубже, чем в библейском эпосе, потому что тоньше показаны его переживания, его всевозможные искушения. Он ослеплен врагами, он приведен в цирк на посмеяние, и он стоит там, думая о том, что отступил от Бога и вот теперь он у них в руках; ему выкололи глаза, он бессилен. Но вдруг Самсон вспоминает, что у него отросли волосы, которые дают ему необычайную силу. И он двумя руками сдвигает столпы-колонны, на которых держится все здание, и обрушивает их на себя и на врагов. Он предпочитает умереть, чем оставаться в рабстве. Этот пафос свободы взят из Библии и помножен на пафос борьбы духа, происходившей в тот смутный, великий и тревожный XVII век.

Все это напоминает нам грандиозные картины, мощные фрески, все это остается в памяти. Я думаю, не случайно мы можем возвращаться к этим темам, потому что вечные проблемы – они всегда были великими проблемами. И драма Адама – это наша общая драма! Человек выбирает свой путь. Он выбирает сегодня! Адам живет в нас и мы живем в Адаме – в первом человеке, в прачеловеке, в едином и единственном человеке.

И то, что происходит в истории сейчас – между народами, внутри государств, внутри обществ, городов и семей, – это все та же драма человека и драма Адама.

Бог дал нам свободу, чтобы мы выбрали настоящий путь! Он не принуждает нас выбирать путь истины, но Он его открывает нам и указывает. И все зависит, как и тогда, от решения человека. В тот момент, когда Бог призывает нас, когда истина призывает нас, когда добро призывает нас, мы должны принять это решение, должны принять здесь и теперь, пока еще не поздно.

Потому что само Священное Писание говорит нам о горьких и тяжких последствиях, которые влечет за собой отвлечение от истины, поворот в сторону лжи. И если раньше люди могли сомневаться в этих грозных предупреждениях, то сегодня мы с вами стали мудрей. Сегодня мы уже знаем: *ничто* не обходится безнаказанным в истории мира. И что ошибки отцов падают впоследствии как тяжелое бремя на детей и внуков. Мы часто задаемся вопросом: «Откуда это? Почему?» – и понимаем, что это ядовитое семя пару поколений назад было посеяно, и вот сегодня оно дало всходы.

Адам – библейский образ ответственности за все человечество, за всех людей. Великий закон солидарности людей накладывает на нас эту ответственность. Если мы будем забывать об этом, жестоки будут последствия. Так было, так и будет! Если мы будем об этом помнить, то развитие мира, развитие духа, путь истории будет выправляться. Я уверен, что это возможно! Я уверен, что еще не поздно! «Встань, спящий!» – говорит нам Священное Писание в Посланиях апостолов. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых! И воскресит тебя Христос!»

Библия и русская литература XVIII века

В России XVIII век – время очень противоречивое. Жестокая петровская реформа ломала старые традиции, социальные структуры, разрушала устоявшиеся формы искусства, литературы. Сопровождалось все это острым церковно-религиозным кризисом, жестокими преследованиями старообрядцев, вторжением скептицизма, материалистических тенденций, различного рода хаотически-анархической мистики. Противоречивое время. Но если бы не было этого времени, то не было бы всей замечательной культуры XIX и XX вв. в России.

Несмотря на мрачный колорит петровской и непосредственно послепетровской эпохи, одна фигура Ломоносова показывает, что эта ломка была не зря. Хотя есть все основания думать, что и без этих варварских процессов открытость к мировой культуре в

Московском царстве неизбежно должна была наступить – ибо ни искусство, ни наука, ни культура в целом не могут развиваться за железным занавесом, в изолированном мире.

В прежнее время, в эпоху средневековья, выход в широкий мир для Русской Православной Церкви и культуры Киевской Руси означал связь с Византией, с Болгарией, с христианским Востоком. Но вот наступает московская эпоха. В это время христианский Восток терпит жесточайшее поражение со стороны турок, со стороны мусульман, и не то чтобы совсем гибнет, но почти сломлен: Византия захвачена, собор Святой Софии превращен в мечеть, Болгария и Греция – под игом полумесяца. И в силу этого в России невольно происходит замыкание культуры, опасное замыкание.

И дело не в том, что Европа была каким-то спасительным местом, откуда должна была хлынуть сама живительная истина, а дело в другом: в нормальном мировом культурном организме необходимо кровообращение, необходим обмен идей, столкновение мнений – это очень важно для науки, для философии, для всего. Благодаря окну, прорубленному в Европу Петром I, это стало возможным. Это и породило новую литературу в России в XVIII в. и все дальнейшее бурное развитие науки, искусства, поэзии и так далее.

Какую же роль в литературе этого сложного периода играла Библия? Надо сказать, что в XVIII в. на Западе отношение к Библии у многих писателей стало негативным. Если в XVI–XVII вв. были такие поэты как Мильтон, Джон Дон, Гроций, Вондел, то XVIII век – это век скептиков или же век создателей новой мифологии типа Жан-Жака Руссо, – мифов о том, что все было прекрасно до тех пор, пока не пришла техническая цивилизация, или о том, что человечество неукоснительно и обязательно идет вперед, к прогрессу.

Теория прогресса, которая была создана французским историософом аббатом Тюрго и подхвачена и развита Кондорсе, (человеком, которого потом смолола машина революции), живет и теперь, и на Западе, и у нас. Однако для русской мысли и для русской литературы все это было не так просто. Произошло столкновение, произошла встреча многовековой исконной веры и новой науки, которая пришла в Россию, условно говоря, вместе с Ломоносовым и его окружением. Разумеется, было очень много и других людей, но Ломоносов как бы олицетворяет собой все это.

Кроме того, возникли новые социальные воззрения: если в прежние времена сословное деление было жестким, исконным (в высшем сословии можно было только родиться), то с петровского времени, когда появились многочисленные парвеню, люди, вышедшие из низов (вспомните хотя бы Меншикова и других), когда появляется новое дворянство, не имевшее знатных предков, все меняется. Одним из первых на это реагирует поэт Антиох Кантемир.

Антиох Кантемир

Антиох Дмитриевич Кантемир – сын известного молдавского господаря. Вы все знаете, что он был сатириком, что он писал первые в России забавные, весьма ядовитые вирши, он одним из первых в России начал клеймить охранительные тенденции, которые пытались остановить движение науки, литературы. Один из таких «охранителей» говорит в его произведении: «Расколы и ереси науки суть дети; больше врет, кому дано больше разумети».

Антиох Кантемир был большим знатоком Библии. Вместе со своим учителем И. Ильинским он составил первую в России симфонию к части Библии. Симфония, или конкорданция, –

это такой словарь, по которому можно найти в Библии любое слово. Скажем, «вода»: вы находите, где в любой книге Библии употребляется слово «вода». Очень Антиох Кантемир удобно для изучения

Библии, для углубления в нее. Кантемир составил одну из таких симфоний, Ильинский ему помогал.

Кроме того, Кантемир опирался на библейское учение о человеке в развенчании сословного чванства. Для него это чванство было совершенно неоправданным, потому что Библия учит нас, что человеческий род един. Вот слова Кантемира:

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ной в ковчеге с собой спас все себе
равных
Простых земледетелей, нравами лишь
славных;
От них мы все сплошь пошли, один
поранее
Оставя дудку, соху, другой – попозднее.

То есть здесь отрицается роковое значение происхождения: все люди происходят от Адама, а потом – от Ноя.

Я не буду останавливаться на теме Ноя и всемирного потопа. В прошлый раз мы уже с вами говорили, что с Ноя летописец начинал русскую историю. Образ Ноя и его семьи – это образ нашей человеческой общности, святой образ, хотя он иногда вызывает улыбку у людей поверхностных.

Когда мы переходим к другим библейским темам, то находим, что почти все крупные писатели и поэты XVIII в. в России так или иначе отзывались на эти темы. Скажем, Василий Кириллович Тредиаковский. Он написал парафраз Песни Моисея, из Второзакония. Второзаконие – пятая Книга Торы, или Пятикнижия. Очень интересный древний текст. Чем он интересен? Все сказители античных времен, восточные сказители, говоря об истории, о прошлом своего народа, всегда останавливались на победах, триумфах, успехах – это было приятно вспоминать и об этом люди любили рассказывать из поколения в поколение. Естественно и понятно. Но вот Слово Моисея.

Когда Моисей с израильянами перешел в Ханаан, предчувствуя свою смерть, он произнес пророчество. Это пророчество называется Песнь Моисея. Он не восхвалял народ, а обличал его. Он обличал его, как любящий отец обличает пороки сына. И в дальнейшем в традиции пророков, которая пошла от Моисея, мы все время находим этот неизменный мотив. Пророки не льстят толпе, они говорят всегда самые горькие истины. Поэтому их, естественно, нередко встречают камнями. Но кто был для народа важнее: пророки или те, кто сулили людям процветание, победы, мир? Пророки видели причины исторического зла, им был открыт нравственный миропорядок: то, что нравственное состояние общества – это не просто что-то безразличное к миру, а что сеет человек (один или все общество в целом), то они и пожинают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.